

ПЯТЬ ФРАГМЕНТОВ В ИНТЕРЬЕРАХ

1. Концерты Дэвида Бирна в ДК имени Горбунова
2. Борис Гребенщиков на концертах Бирна и в ночном клубе «Пилот»

Алексей Голубев,
Александр Панов

Мимолетности

*Где та молодая шпана,
Что смотрит нас с лица земли?*

*It's not the ending of the world
It's just the closing of a
discotheque.*

Б.Г.

Д.В.

1. Перед телевизором

СКАЛДЫ в большем почете, чем императоры. Черные майки в луче света дорожек коротких шубок и элегантных шляпок на октябрьском ветру. Другой король приехал первым. Без вытертого ковра на летном поле, без оловянного оркестра с повисшим штандартом. Он привык к другому. Он, Rei Momo. Король карнавала.

В эклектике его стиля карнавалом перемешаны бесчисленные интонации и голоса. Пост-панк. Африка. Поп. Джаз. Латиноамериканские танцы. Современная симфоническая музыка. Китай. «Говоря на различных языках» — название альбома с миллионным тиражом. Все сплавлено в общей харизме «авангардного гуру» («Тайм»). И — королевские почести: звание лучшего рок-поэта 80-х, почетное мемориальное место в списке тех ста, кто изменил лицо современной Америки. Но что до Америки? Бирн — в России, здесь и теперь.

Тут его слушали на кухнях, кайфуя. Тут со временем Бирн заметил сакральных «битлов», воспитав целое поколение местного подполья. Его слушают до сих пор, с придыханием и уважением к старости. Он может собрать забытый до отката зал «Горбушки». Есть еще порохов в пороховницах. Медленно скисает старое вино.

Две недели Бирн гостит на экране. А вы говорите — королева!

2. ДК Горбунова. Вечер первый

Live — при полном сборе. Больше двух часов. Все идет так, как должно идти. Не уступать временам, модам и сменам парадигм. Отчаянная стойкость, вполне вознагражденная. Стойкость без искусственной экзальтации.

*Пусть дни проходят
И пусть меня несет вода
Пусть дни проходят
А вода все течет под землей
Опять в синеву
Когда кончатся деньги
Раз в жизни*

А вода все течет под землей — спето в 80-м году. Ушла та вода. Закрыта лавочка «Токинг хэдс», превратившись в коммерческую машину. Но есть пока новые дни и новые воды. Не иссякает синева. Король в славе, добравшийся наконец в отдаленный предел королевства. В его свите — посол рок-н-

ролла в неритмичной стране, вольный интерпретатор и ученик Борис Борисович Гребенщиков. Своей популярностью здесь Бирн во многом обязан и ему.

БГ — другой светлый путь, не менее прочная харизма. Свое бесконечное путешествие, начатое (как ни странно) прежде бирновского, но во многом, слишком много, близкое. Теперь они работали вместе — перевернута страница истории. Наступают яблочные дни.

Гребенщиков пел много, с удовольствием, предвзято Бирна. К удовольствию «Горбушки». Глав-

лизируя, упрощая и возвращаясь к корням. Балладный распев. Один задушевный мотив. Робкий гитарный перебор.

— Мне интересна ваша реакция. Это не может нравиться — это не рок-н-ролл. Почему вы хлопаете?

Жан Соль Партр на белом слоне. Трагизм, абсурд, тошнота — а вам премию в зубы за новаторский художественный жест. Статус гения. Все хорошо, что бы ты ни сделал. Все — «на ура». Нет возможности быть собой, искренним и злым. Нет права на слишком человеческое. И остается бесславно уйти. Под ап-

бы белые люди не относились к себе столь серьезно!»

Американская национальная музыка — русская национальная музыка: так БГ представил себя и Бирна. Найдено новое верное. Как всегда, кажется, что как раз то, что надо. В согласной уверенности довольно учить зал.

В «Горбушке» радуются, отключаются, разделяют участливо то, что ты живешь. Еще живешь. Но за стенами — иные времена, иные песни.

5. За пишущей машинкой

Финальные отвлеченные сентенции. В недельном удалении от непосредственности факта. Так что же было?

Возвращение славной легенды. Полный зал. Историческое событие. Практическое единение родственных душ на сцене. И сонм им подобных перед ней. Но — теперь (или, как всегда?) в Москве двигаются параллельно несколько историй. Не пересекаясь. Вежливо уступая дорогу. Комильфо.

Общество — подсохший слоеный пирог, не только разделяющийся на слои и крошащийся в пыль. Есть устойчивые локусы и даже хронотопы. Тут, в данный час. Внутри свое летосчисление, свой близящийся конец света и преходящие праздники — тоже свои. «Это было здорово, круто, исторично, революционно и т.д.» Вежливо: — Смотря для кого. Глядя откуда посмотреть. С этими делами понятно — к ним можно привыкнуть, съест, скривившись: у всех порядочных людей старше двадцати в крови замес подполья. Свое — чужое. Но вот вопрос, дразнящий актуальной нерешенностью: а есть ранжиры? Что первичней и авторитетней? За кем остается Москва в конечном итоге?

Культура ночных клубов странной притягательна — для художников, считающихся элитарными («Ночь искусств в «Пилоте»), для писателей и писательниц, считающихся классическими (презентация книги Ахмадулиной в «Гиппопотаме»), наконец, для рок-андергаунда, уже давно вышедшего из катакомб. Фиаско БГ — вроде его личное дело. Есть свобода выбора, выхода и входа. Но, злая и хамя, не принимая, все равно ты завороченно влечешься туда, из своего пространства. Спор решен? Право первой ночи определено?

Проходят времена. И вместе с ними — те, кто был дорог. И дорог до сих пор. Проявлениям чувств уже отводятся строго определенные места. И пора учиться не переступать границы. Быть взаимовежливыми.

Или — не нить, обжегшись. Дискотека не закрывается уже никогда. Может, лишь на дневное время. Но есть места, где 24 hours opened!

Борис Гребенщиков.

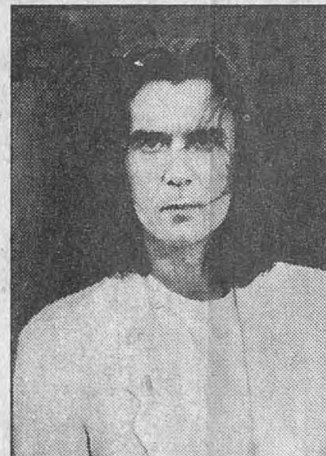
ным образом — новое. Они нашли друг друга. Жизнь продолжается.

3. Ночной клуб «Пилот»

И в лучшие времена, и среди своих, вне коммерческих расчетов не игрались три концерта в два дня. Меняются времена, стремительно, разительно. Что верховодит? Деньги? Амбиции? Старая дружба?

В третьем часу ночи, отведав Бирна, Гребенщиков появился в «Пилоте». Как нагрузка к развернувшейся продаже видеокассеты с новым фильмом Липницкого о БГ. Игра контекстов: из «Горбушки» — в «Пилот». Свои и чужие. Старое — новое. И — впечатлением: полупустой зал, небольшие группы у сцены, только отрохотавшая дискотека. В короткой паузе между заходами — он. Все считано сразу, как с поданного листа. Поможит на послеконцертную усталость — равно драматическая, искренняя агрессия.

Один. Под гитару. Борис Борисович Гребенщиков пел полчаса. Новые песни. Демонстративно отказавшись от старых, чтобы не покатать, не превратить в концерт по заявкам. «Я не торгую ностальгией». «Старое осталось там, где оно должно быть». Но новое, писанное за три недели, пелось не как подорок — как вызов, удар, пощечина. В «Пилоте», модной и дорогой дискотеке, — русский блюз, которому 700 лет. Вот так: Новый Гребенщиков славянофильствует, минимизи-

Дэвид Бирн.

лодисменты.

«Я хотел быть водой для тебя, а меня превратили в вино».

Цена за сакральность — жизнь. Классики уже не живые — врет язык. «Живой классик» — выдумка фарисея. Он это понимает. Для нового поколения, выбравшего «Пилот», БГ — лишь шум, шепот легкой воды. Не надо роз.

— Я отказываюсь быть легендой!

Нет ответа. Глухо, как в танке. Аплодисменты, переходящие в овацию.

4. ДК им. Горбунова. Вечер второй

Наш славный парадиз. Насыщенное местечко. Здесь все свои, тут вершится карманная история.

Гребенщиков пел. Старые песни также. Забыты дерзкие вчерашние эскапады. С ним — новый «Аквариум». Не легенда, а жизнь.

Пел Бирн. Наконец нашедший себя среди проклятого множества стилей. Или вернувшись к себе. «Дэвид Бирн, возможно впервые, совершенно счастлив быть просто Дэвидом Бирном», — написал в июле о его новом альбоме «Вокс!»

Двойной опыт славных капитанов с башен, прошедших все искуственные круги славы и интеллектуальной фонды, почувствовать вкус простоты и легкости. Гребенщиков рассказывал, как на финском фестивале, глядя на танцующего негра, Бирн сказал ему: «Если